

МАРГО ГЕНЕР

СПАСИ
СВОЕГО
ДРАКОНА

НЕ
СОГЛАСНАЯ
НЕВЕСТА

18+

Драконы

Марго Генер

(Не)согласная невеста

«Автор»

2019

Генер М.

(Не)согласная невеста / М. Генер — «Автор», 2019 — (Драконы)

Именно тогда, когда я встречаю свою истинную пару, мачеха решила избавиться от меня! Ей всё равно, достанусь я незнакомцу, который считает меня своей собственностью, или попаду в пансион, о котором ходят самые нехорошие слухи. А уж если меня отправят на отбор, участие в котором грозит лишением магии, она и вовсе будет счастлива! И всё же только пройдя до конца, я смогу спасти свою любовь и своего... дракона.

© Генер М., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Марго Генер

(Не)согласная невеста

Пролог

*Примерно за двести лет
до событий.
Мир сумрака.*

Черные тучи разверзлись над таким же черным сумеречным миром. В самой его середине, напряженно сжимая подлокотник, на высоком троне восседает огромная тень. Рядом извивающейся фигурой извивается тень поменьше, стройная и изящная. Она время от времени обнимает его тонкими руками, издавая мурлыкающий стон, словно пытается утешить.

Обе тени с ужасом наблюдают, как в самом центре их мира пространство треснуло, в воздухе появился вертикальный излом, за которым зеленые луга, пастбища, деревья. А перед изломом какой-то глупец, дерзнувший разорвать ткань материи и создать брешь меж мирами.

– Любопытные люди... – прогудел правитель.

– Что теперь будет? – тревожным шепотом спросила женская фигура.

– Ничего, – отозвался правитель и взмахнув темной дланью.

Края проточины сию же секунду сомкнулись, оставив лишь дымящийся след в воздухе.

Маленькая тень, похожая на кляксу, возникла прямо в воздухе и затараторила надрывно и испугано:

– Ваше сумеречество, там...

Фигура на троне подалась вперед.

– Ну?

– Там... – нервно сглотнув, продолжила клякса, явно боясь принести дурные вести. Женская тень поторопила его.

– Не заставляй правителя сумрака ждать, – сказала она гулким голосом. – Говори.

Клякса затряслась еще сильнее, но проговорила:

– Там проточины...

Поддернутое тенями лицо правителя на секунду вынырнуло из тени, мелькнули суровые черты лица с черными провалами глаз. Пальцы его сжались на подлокотнике так, что тот затрещал.

– Что? – прогудел он, и воздух вокруг него полыхнул черным пламенем.

Клякса задрожала так, что от нее в стороны полетели капли сумрака. Она пропищала:

– Проточины... Они появились всюду. И...

– Говори! – рявкнул правитель.

– И в одну из них сбежал ваш брат. Он даже убегая призывал к перевороту и войне с миром света. Еще он украл заклинание сумеречной печати.

Послышался напряженный выдох, похожий на свист, правитель откинулся на спинку трона. Женская фигура застыла рядом в паре метров над землей, прижав ладони к груди.

Спустя пару секунд правитель произнес:

– Это очень нехорошо. Он молод и горяч, и желает уничтожить драконов, дарующих свет миру людей. Это грозит обоим мирам. Его нужно найти и вернуть в лоно семьи.

Женская тень охнула, спустившись к трону, ее тонкие пальцы легли на могучее плечо правителя.

– Муж мой, – сказала она, – но как его ловить? Пересечь границу света и тьмы могут только королевские тени. Но ты не можешь оставить трон в такое время. Начнется хаос.

Правитель кивнул.

– Верно, Катарсия, сердце моего сумрака, – согласился он. – Я не могу. Пойдешь ты. Найдешь моего беспутного брата и вернешь в лоно семьи.

Тень, которую правитель назвал Катарсией, обвила тонкими руками его шею и прильнула губами к его губам.

– Как пожелаешь, – прошептала она, отстраняясь.

А потом взмыла в воздух и последовала за дрожащей, как осиновый лист, кляксой в сторону, где по его словам зияет еще одна проточина. Одна из многих, которые появились после того, как глупый темный маг в мире людей открыл границы.

Глава 1

Настоящее время.

Алмория.

Раскат грома разломил ночные небеса, я вжала голову в плечи, но продолжила бежать. Юбка цеплялась за ветки, ткань трещала, но я ломилась сквозь заросли, веря, что удастся улизнуть.

Молния снова рассекла тьму, а после очередного раската хлынул дождь, причем такой, что я мигом потеряла видимость.

Позади раздался гневный крик:

– Валенсия! Не смей позорить семью! Немедленно вернись!

Я вздрогнула – голос прозвучал совсем близко, за соседними кустами. Лай собак... хорошо хоть не спустили.

Подобрав подол, я рванулась через лес в сторону реки, оставляя на кустах клочки платья. Может, если ее пересечь, они отстанут, забудут обо мне...

– Валенсия Соул де Лафэй! – снова прокричали из-за спины, я с дрожью услышала трест веток под копытами лошадей. – Немедленно остановись и вернись!

– Никогда! – выкрикнула я, хотя стоило промолчать.

– Она там! – крикнул кто-то из стражей.

Я взвизгнула и рванулась через заросли чубушника, скользя на размокшей от дождя почве. Если ухажер мачехи меня поймает – конец надеждам. Он зол, как демон. Еще бы, та отправила его ловить меня в погоду, когда хороший хозяин собаку на улицу не выгонит.

Что ж, пускай попробует.

Я ломилась, как отчаянный олень, спасая то не многое, что осталось от родителей – имя и магию. Остальное, после смерти барона Соула де Лафэя, дорогого батюшки, мачеха прибрала к рукам. Мне же доступ ко всему, что полагается дочерям, закрылся.

Но этого Джозетте де Лафэй оказалось мало.

Мачеха мечтала побыстрее от меня избавиться, выдать замуж и получить компенсацию за магический дар.

На усыпанный галькой бережок я буквально вывалилась. Подошва заскользила на мокрых камнях, я едва успела уцепиться за ветку.

Впереди река, стремительная, с низкими каменистым берегом серебрится в свете луны. Вот оно, мое спасение.

Я бросилась к воде, балансируя, как канатоходец и рискуя загреметь на камни. Если прыгнуть, река подхватит, понесет, даже сам ухажер мачехи не рискнет преследовать ночью, в грозу по реке.

А я?

Я готова на все, лишь бы не даваться им в руки.

Дождь усиливался, волосы, обычно ярко-огненные, потемнели, прическа развалилась, а пряди елозят по спине холодными сосульками. Платье насквозь промокло, бежать стало трудно, меня колотило от холода и страха.

До реки метров двадцать, совсем мелочь, по сравнению с тем, что уже пробежала. Надо просто поднажать, просто еще немного...

Мир снова разорвал грозовой раскат, причем такой, что я с испугу наступила не на тот камень. Пятка съехала, я взмахнула руками и полетела назад, чувствуя, как вместе со мной во тьму летят надежды.

Удар был глухим и болезненным. Локоть обожгло, потом сразу заохлоло – камни настыли от воды. Я дернулась подняться, но мокрая юбка запуталась в ногах, я забарахталась, как перевернутый на спину жук.

Через секунду затрещали кусты. На лошади выскочил мачехин ухажер, Ашиль де Вотье, громадный, в петушино-яркой ливрее, которая сейчас намочила и висит, как мешок.

– Попалась! – громыхнул Ашиль и направил коня ко мне.

Следом из кустов вывалилась орава стражников с факелами, собаками и мечами, будто я могла оказать сопротивление.

Чувствуя, как сердце ударяется в ребра, я, наконец, перевернулась, удалось встать на колени. Но когда уперлась ладонями, взгляд уперся в сапоги.

Внутри все оборвалось.

Глотая пересохшим языком, я медленно стала поднимать глаза. Вот сапоги, колени в слишком ярких для мужчины штанах, намочшая ливрея и хищно ухмыляющееся лицо Ашиля.

– Ну что? – спросил он со злой ухмылкой. – Набегалась, недопадчерица?

Я фыркнула и рванулась в сторону, но на плечо опустилась железная ладонь. Меня одним жестом вздернули на ноги.

Лицо Ашиля оказалось близко к моему. Глаза сузились в щели, губы искривились, такой ненависти от него давно не видела.

– Будь моя воля, – прошипел он, приподнимая меня за ворот, – я бы тебя продал первому торговцу. Чтоб духу твоего в поместье де Лафэй не осталось.

Меня трясло. Трясло от холода, от промокшего платья, от страха перед этим громилой. Но еще больше – от страха перед будущим. А оно сейчас выглядит совсем не радужным.

А еще во мне кипела злость за несправедливость.

Рискуя получить по первое число, я проговорила глухо:

– Так что же не продал?

Глаза Ашиля сверкнули, пальцы на плече сжались так, что точно останется синяк.

– Благодарю свою мягкосердечную мачеху, – проговорил он. – Она устроит твою судьбу.

Мягкосердечную. Как же. Кроме того, что она не пытается меня продать какому-нибудь странствующему фокуснику, от Ашиля она мало чем отличается. Разве что умнее. Она решила, что получит гораздо больше, если сосватает меня магу попримичней и получит хорошую компенсацию.

– Лучше я кинусь в реку, – выпалила я и дернулась в попытке вырваться из медвежьей хватки.

– Я могу это устроить, – угрожающе прохрипел он. – Но, учитывая рвение, с которым к ней бежала, только того тебе и надо. Да? Нет уж, недопадчерица. Такого шанса я тебе не дам.

Я не знала, за что он меня так ненавидит. Наверное, просто не мог смириться, что во мне есть сила, пусть и запечатанная, а в нем нет.

Подбежали стражники, мир озарился пламенем факелов, мокрые камни заблестели.

Один с облегчением выдохнул:

– Госпожа де Лафэй, как вы нас напугали. Вы в порядке?

Я послала стражнику хмурый взгляд, хотя стоило поблагодарить за то, что они здесь. Иначе поведение Ашиля было бы куда хуже. Прислуга даже после того, как я осталась в опале, продолжала относиться ко мне, как к леди де Лафэй.

– Она в порядке, – рявкнул Ашиль и прежде, чем успела опомниться, перекинул меня через седло.

По отряду стражников прокатился ропот, тот, что беспокоился обо мне, спросил осторожно:

– Господин, это все же леди...

Ашиль взлетел в седло следом, и я отпрянула от его колена, которое оказалось у самого лица.

– Леди она была, пока не сбежала из гостиной, когда услышала о приезде брачного посла, – отозвался он. – А сейчас мокрая курица.

В другой ситуации я бы обиделась. Но оскорбление мокрой курицей, самая малая из проблем. Да пусть кем угодно называет, лишь бы отпустил меня, не дал случиться этому кабальному браку.

– Ну что, леди де Лафей, – с издевкой проговорил Ашиль, подхватывая уздечки, которые неприятно стукнули по голове. – Готова выполнить долг верной дочери?

Он захохотал, хлестнули уздечки, и лошадь сорвалась с места.

По спине лупил дождь, меня подкидывало и швыряло. Если бы не железная ладонь Ашиля, давно выкинуло бы из седла, я разбилась бы о камни. Или, минимум, покалечилась бы.

Не самое страшное, учитывая ситуацию.

С детства я ощущала, что внутри меня теплится некая сила. Отец был боевым магом при королевском дворе де Фламер, но отправился к богам прежде, чем я успела осознать, что тоже унаследовала дар.

Зато мачеха и ее любовник быстро сообразили, что с этим делать – решили сбавить меня, повыгоднее продав кому-то, кому не безразлична магия и кто готов за нее платить хорошие деньги.

Для меня же это означало лишиться магии. Того, что составляет мою суть. Тепла, которое греет каждую секунду жизни.

В положении вниз головой ехать неудобно, в живот давит лука седла, перед глазами поплыли пятна.

В какой-то момент показалось, я вообще не здесь, а где-то далеко, под солнечным небом, где никакие мачехи и отчимы не смеют угрожать мне.

А потом откуда-то донесся голос, бархатный глубокий, явно мужской, я даже вздрогнула.

– Валенсия...

От неожиданности привстала, но тут же была придавлена тяжелой ладонью любовника мачехи.

– Лежать.

Я замерла, а голос вновь донесся откуда-то издали:

– Валенсия, ты нужна мне...

На секунду подумала, что мой дар как-то сам распечатался и теперь могу им управлять. Но вспомнила, отец рассказывал, что дар запечатан до вступления в брак. Почему – не объяснял, равно как и процесс распечатывания. Говорил, мала еще.

Невежеством воспользовалась мачеха. Пообещала мою магию будущему мужу. А ведь я мечтала, что выйду замуж за любимого, а не какого-то мерзавца, который покупает меня, только бы выкачать без остатка всю магию.

Я много раз спрашивала, почему не могу оставить магию себе, но всегда получала ответы, вроде «ты слишком взбалмошна» или «я не смогу спокойно спать, зная, что у такой, как ты есть дар».

Когда отец умирал, я была безутешна, зато Джозет, его жена светилась улыбкой, видимо уже думала, как выгодней пристроить мою силу.

– Не переживай, – сказала она тогда с ухмылкой, – я позабочусь, чтобы дар твоего отца из рода Соул де Лафей не прекратился и не канул в небытие.

Но я знала – думает она только о наживе.

Вновь донесся бархатный мужской голос:

– Валенсия, я нашел тебя... Валенсия...

Хотела ответить, спросить, кто это, откуда вообще голос, но побоялась наказания от Ашиля. И через несколько секунд голос исчез.

Тело затекло. Я поерзала – из-под копыт лошади летят комья грязи, норовя накормить меня, справа опасно близко подсакивает колено Ашиля.

– Не дергайся, – проговорил он. – Надергалась уже. Какого сумрака? Полночи за тобой гоняемся.

– Мне не удобно! – выпалила я.

– Да? – зло поинтересовался мачехин ухажер. – А бежать ночью в дождь через лес удобно? Гнать приличных людей на улицу в такую погоду удобно?

– Приличные люди не перекидывают девушек через седло! И не пытаются нажиться на их магии!

Я рисковала, отвечая так дерзко. Но вокруг отряд верноподданных стражей барона Соула де Лафей. Ашиль зарычал, положив мне на шею пальцы, и сдавил так, что перед глазами забегали пятна.

– Поговори мне еще, – прорычал он так, что слышно только мне. – Джозет долго планировала этот брак. Я не позволю тебе все поломать.

– Ты сейчас поломаешь мне шею, – прохрипела я. – Тогда точно никакого брака.

Ашиль раздраженно фыркнул, но железная хватка исчезла, ладонь вновь опустилась на спину, придавливая, как прессом.

Казалось, меня вечно трясло на седле, ударяло в живот и придавливало. К счастью хотя бы дождь прекратился. Но меня продолжало знобить, однако мужлан Ашиль де Вотье даже не подумал накрыть плащом. Он вообще не отличался заботой. Единственная, к кому хорошо относился – это Джозетт, моя мачеха.

Всхлипнув, я погрузилась в мрачные мысли.

Отец женился после десяти лет вдовства, сказал, мне нужна мать и женская забота, чтобы воспитывать соответствующие качества – покладистость, женственность, покорность. Но с моим характером это вязалось плохо. Им уродилась в него. В отца, Соула де Лафей, боевого мага его величества де Фламер в отставке.

Он, как и все отцы, мечтал о сыне. Но родилась я, а бедная матушка отправилась в чертоги богов слишком рано. С Джозет у них детей не случилось, уж не знаю, по чьей причине. Слуги шептались, что это веяние сумрака, но наше поместье слишком далеко от проточин тьмы. К тому же, по словам отца, их контролируют королевские войска.

Копыта лошади зацокали, ступив на брусчатку, камни заблестели. Я подняла голову и в груди все сжалось.

Впереди наше поместье, большое и мрачно-величественное в свете луны. А перед входом карета с ярко-синей пометкой в форме двух скрепленных колец.

Ашиль, словно прочел мои мысли.

– Почти приехали, – злорадно усмехнулся он.

Оказавшись во дворе, он спрыгнул и как мешок с картошкой, стянул с седла. Я едва не поцарапала подбородок.

От долгого висения вниз головой мир закружился, я упала бы, если бы не рука стражника, поддерживавшая за спину.

– Разнежилась? – бросил Ашиль, передавая лошадь подоспевшему конюху. – Надо было нагружать тебя побольше. Чтоб не размякала.

Я хотела ответить, что в стрельбе из лука дам фору даже ему, что отец обучал меня, вложив все, что мог бы дать сыну, с поправкой на то, что я девушка, но на крыльцо выбежала Джозет.

Пышное платье, наляписто украшенное розовыми цветами, в рюшах и фалдах, от чего похожа на зефир, темные волосы подняты в прическе, губы накрашены красным, что подчеркивает носогубные морщины, с которыми она безуспешно борется.

Джозет мазнула по мне взглядом, потом глянула на Ашиля, глаза бешено сверкнули.

– Ашиль, ты в своем уме? – выпалила она. – Она могла пострадать! Как прикажешь объяснять, откуда на невесте синяки?

Тот развел руками.

– Упала, – предположил он.

– Идиот, – прошипела мачеха и обратилась ко мне, все так же зло: – Шевелись давай.

Господин Шаторье уже заждался.

Я устало поплелась по ступенькам, но мачеха ухватила за локоть и потащила в дом.

– Да быстрее, курица! – выпалила она. – Тебя надо переодеть! Ни приведи боги, он увидит тебя такую.

Мне было плевать, какую этот Шаторье меня увидит. Но мачеха нарочно тащила в сторону, подальше от гостиной. И ей удалось бы скрыть факт моего позора, если бы из её дверей не вышел высокий мужчина с обильно поседевшими волосами. На нем черный фрак, на боку ножны с настоящим боевым мечом. На лице глубокие морщины, видимо брачным послом он был не всегда.

Мачеха встала как вкопанная.

– Господин Шаторье... – выдохнула она. – Вам что-то нужно?

Взгляд посла приковался ко мне. Меня обдало холодом, хотя думала, что замерзнуть сильнее нельзя.

– Это и есть госпожа Валенсия Соул де Лафей? – спросил он, спустя пару секунд и взмахнул ладонью. Мокрые волосы с моего лица поднялись и откинулись за спину, неприятно шлепнув.

– Э... – протянула мачеха и дернула меня, чтобы срочно сделала поклон. – Да... Да, господин Шаторье. Видите ли, возникла небольшая заминка... Валенсия...

– Госпожа де Лафей сбежала, узнав, что за ней приехал брачный посол, – оборвал ее он, и сжавшиеся пальцы мачехи на моем локте показали ее молчаливую ярость.

Она спешно заговорила:

– О, нет, что вы. Она просто загулялась, попала под дождь. Посмотрите, все платье вымокло. Господин Шаторье. Как вы могли подумать? Валенсия очень скромная, покладистая девушка. Она никогда бы не пошла против... Да Валенсия?

Я молчала под изучающим взглядом посла, который, будто смотрел насквозь. Он маг. И сейчас, наверное, что-то видит своим магическим взором. А мне даже не позволяли прикасаться к книгам о магии...

В груди затеплился лучик надежды. Может он разочарован? Прекрасно. Значит, не захочет, чтобы его господин взял в жену такую, как я, а он не испортил репутацию брачного посла.

Джозет шумно сглотнула и затараторила:

– Господин Шаторье, вы же не передумаете? Мы с вами заключили договор, помните? Вы обещали, что заберете ее вместе с магическим даром. А нас щедро отблагодарите за такой подарок. Вы ведь не передумали?

Прошло несколько мгновений прежде, чем он заговорил.

– Прежде еще нужно будет проверить, действительно ли у нее есть магический дар...

– О, не сомневайтесь! – перебив его, воскликнула Джозет. – Она, пока была маленькой, все время говорила о тепле в груди. У нее точно есть дар. Да, Валенсия? Скажи господину Шаторье, что это так.

Глядя из-под бровей на посла я промолчала, ощущая, как в груди шарик тепла покрывается шипами.

Шаторье мазнул по мне взглядом и сказал:

– Это еще ничего не значит. Дар может быть остаточным. Но вы правы, я не буду отменять сделку. Магия не бывает лишней. Моему господину это известно. Но юную госпожу де Лафей придется кое-куда забрать.

– Куда? – хором спросили мы с Джозет и недовольно переглянулись.

– Я уже сказал, еще нужно проверить, есть ли у нее дар. К тому же, не мешает обучить хорошим манерам. Девушка должна знать, как быть хорошей женой, – отозвался Шаторье. – Я забираю ее в пансион Магикус Соле.

Внутри меня все рухнуло.

Глава 2

Я пришла в ужас. Мало того, что отдавали замуж за неизвестно кого, так еще и отсылали в Магикус Соле. Даже в наше удаленное поместье доходили самые разные слухи об этом месте. Что его расположение неизвестно, пансион постоянно меняет территорию, что там творят темное искусство. Одни считают его выдумкой, другие думают, что из него выпускают самых вышколенных и покладистых жен.

Видимо Шаторье тоже так считает.

Но я ни одной из них становиться не собиралась.

По словам господина Шаторье, я слишком взбалмошна и веду себя недопустимо для леди моего статуса. К моменту, когда буду официально представлена избраннику, манеры мои должны стать безупречными. Чтобы в случае подтверждения моего дара, он был передан максимально эффективно и быстро.

Я, конечно, спросила, зачем этому избраннику нужна взбалмошная невеста. Если что-то не устраивает – с удовольствием уступлю место другой. Мачеха едва сознание не потеряла от моей дерзости. Хотя извести о моем направлении в пансион её ошарашило не меньше.

Я проговорила:

– Боюсь, он разочаруется.

Однако Луи Шаторье даже бровью не повел, сказал спокойно:

– Господину видней, кого выбрать в жены. Одного только он не учел.

На мой вопросительный взгляд ответил:

– Вашего характера. Но это поправимо. Скоро в станете достаточно покладистой для всех необходимых действий.

Я хотела спросить, каких конкретно действий, но Джозет после нескольких минут смятения пришла в себя.

– Это несомненно, огромная честь для всего рода де Лафей, – сказала она. – Но как же договоренность? Нас заверяли, что за передачу дара моей падчерицы мы получим условленную сумму золотом.

Губы Шаторье чуть дрогнули, уголки приподнялись, он стал похож на хищную птицу.

– Договоренность в силе, – сообщил он. – Никто не собирается вас обманывать. Мы готовы заплатить за ее дар сразу, в качестве аванса. Причем, если заметили, пока поверив вам на слово.

У мачехи отвисла челюсть, да и я, если честно, проверила свою.

– Вы заплатите за нее до заключения брака? – едва справившись с волнением спросила она. – До передачи?

Алчная стервятница. Только и думает о наживе. Она никогда не любила моего отца, только из-за титула и наследства вышла за него. И доказать это у меня не было возможности, а потом его не стало...

Брачный посол кивнул.

– Заплатим, – сказал он. – Только прошу не задерживаться. Не люблю, когда тратят время впустую. Отправляемся завтра.

Мачеха охнула. Я тоже. Рассчитывала, что хотя бы дадут время проститься с домом, в котором провела всю жизнь. Но, похоже, мое мнение, как всегда последнее.

– Завтра? – выдохнула я, наконец, обретя дар речи. – Да кто он такой!?! Скажите хотя бы, какому зверю отдаете меня на растерзание!

Глаза посла сузились, в них блеснула сталь, я подумала, что возможно перегнула с оскорблением, а он произнес:

– Ваш язык слишком остер, леди де Лафей. Уверен, в Магикус Соле вам объяснят, как им пользоваться, чтобы не навредить себе и окружающим. В восемнадцать лет вы могли бы давно овладеть этим навыком.

Я вспыхнула. Это престарелый сват сомневается в моих способностях. Это при том, что я владею луком получше некоторых мужчин. В Алмории считается дурным тоном, если женщина занимается чем-то, кроме мужа и женских дел. Правда не понятно, почему список этих дел такой короткий и скучный.

– Вы так и не ответили на мой вопрос, – проговорила я с вызовом. Чего уж, я и так в немилости. Хуже не будет.

– О вашем женихе?

– Да!

– Всеу свое время, леди, – с усмешкой отозвался Шаторье. – А сейчас рекомендовал бы вам и вашей мачехе заняться сборами. Времени у вас не так много.

Хотела возразить, сказать, что никуда не поеду и пусть катится к демонам вместе с Магикус Соле, мачехой и таинственным женихом, который подло покупает девушку, при этом даже не познакомившись. От одной только мысли о нем магия в груди сжималась и тревожно пульсировала.

От обилия опасений голова пошла кругом. Но мачеха расслабиться не дала – цапнула за руку и потащила по коридорам в покои.

– Поверить не могу, – шипела она, бегая по комнате и собирая мне саквояж. – Ты спорила и грубила Луи Шаторье! Ты в своем уме! Слава богам, он не отказался от сделки!

– Тебе только того и надо... – пробормотала я, натягивая сухое дорожное платье.

Джозет остановилась, кулак уперся в бок, она сверкнула глазами.

– Неблагодарная дрянь, – выдохнула она. – После смерти твоего папаши я могла выкинуть тебя на улицу. Побиралась бы или пошла в работный дом. С твоей мордашкой имела бы успех. Но я сжалилась. Оставила дома, в тепле и сытости. Чем ты мне платишь, дрянь?

Я вздохнула. На душе скребли кошки, хотелось куда-нибудь спрятаться, убежать, улететь, но ни дома, ни за его пределами меня некому защитить.

Неизвестность и безысходность пугали до дрожи. Я закусила губу, заплетая перед зеркалом волосы, которые подсохли и вновь стали огненно-рыжими. В одном мачеха права – природа наградила меня хорошей внешностью: густые локоны, травяного цвета глаза, аккуратные черты лица. Все говорит о благородстве происхождения. Только вести себя, как чопорная гусыня, смиренно отдающая магию мужчине я не собиралась.

И все же против Луи Шаторье сделать ничего не могла.

Когда утром слуга грузил мой саквояж, совсем небольшой потому, что Джозет посчитала – в нем самое необходимое. Остальным обеспечит будущий муж, если он так щедр, что платит вперед, да к тому же обеспечивает обучение в Магикус Соле.

– А если я не обучусь? – спросила я, когда уже ехали в экипаже, покачиваясь на рессорах. – Если все, что вы вложили в мою подготовку окажется без толку?

Брачный посол напротив меня, все такой же спокойный, послал мне неопределенный взгляд.

– Вы обучитесь, – сказал он.

– А если нет? – настаивала я. За ночь в голове созрел план – если я провалю испытания или что там от меня требуется, они могут отослать меня домой. Не самое лучшее место, но тогда магия останется при мне. Пусть не распечатанная. Пусть скрытая. Но моя. Она пульсирует в венах, каждую секунду. Как я могу отдать ее какому-то мужчине? Мужчине, которого даже не знаю.

Взгляд посла стал испытующим, Шаторье произнес:

– Рекомендую все же постараться. Не хотите же вы, чтобы извлечение было болезненным?

Стараться мне не хотелось. Слишком много должна отдать – магию, свободу. А в замен что? Вечное рабство, покорность и смирение в тени мужского блеска. Если я и вышла бы замуж, то только встретив достойного человека. Человека, которого полюблю и который полюбит меня. А не вот так, как какая-то коза на базаре... Но угроза о болезненности напугала.

– Вы знаете, что брак с вашим женихом мне проти... Не по душе, – проговорила я в последнюю секунду решив, что слишком грубить не стоит. – Я его не люблю, не знаю и уж тем более не собираюсь расставаться со своей магией.

– Вы уверены, что она в вас есть? – поинтересовался посол и у меня почему-то по спине прокатился холодок.

– Не знаю, – соврала я, сама не поняв, почему. – Если её нет, вам же хуже.

Повисла пауза. Луи Шаторье вновь изучал меня, словно ковырялся в мыслях, оценивал и анализировал. Меня передернуло, я потеряла плечи и, накинув дорожную шаль, отвернулась к окну. Выехали рано, лес остался позади, зарделась заря, окрашивая небо в бледно-голубой цвет.

– Леди де Лафей, – наконец проговорил Шаторье, – если вы провалите обучение или окажетесь пустой, вас все равно отдадут замуж. Не можем же мы так расстроить вашу матушку.

– Она мачеха, – резко бросила я.

– Как скажете, – с неприятной улыбкой отозвался Шаторье. – Но в случае, если в вас дар не обнаружится, для безопасности вас и вашего окружения подберут не мага. Понимаете, что это означает?

По позвоночнику прокатился недобрый холодок предчувствия, я шумно сглотнула.

– Вы говорите загадками.

Шаторье отодвинул занавеску и задумчиво покосился на проплывающие мимо деревья.

– Если одаренная выходит замуж за обычного человека, – стал пояснять он, – во избежание проблем мы все равно лишаем девушку магии. Согласитесь, зачем семье не магов магия? Верно? Правда, передавать магию можно только одним способом, и он весьма интимный. Такие вещи лучше совершать с мужем.

Я ожидала, что Шаторье пояснит, что имеет ввиду под словом «интимный», но он замолчал и продолжил созерцать деревья вдали.

Я нахмурилась. В вопросах взаимоотношений между мужчиной и женщиной я была невежественна, как ни пыталась выспросить у служанок подробности. Но те только хихикали и убегали под предлогом работы.

Магия внутри нервно ждалась. Я невидящим взглядом уставилась на пол экипажа. Они лишают меня не только магии, но и возможности выбора...

Отчаяние накатило с новой силой, я обняла себя за плечи и уставилась в окно на светлеющий горизонт.

Не думала, что Магикус Соле так далеко. Я знала, место расположения пансиона не известно, но представить не могла, что придется лететь на магическом дирижабле. Весь полет провела у окна, глаза на ковры лесов, полей и ниточек рек внизу. Это даже немного отвлекало от предстоящего.

На все расспросы о будущем женихе господин Шаторье отвечал:

– Вам все объяснят в пансионе. Не за чем сейчас забивать голову.

Чутье подсказывало – за такой таинственностью кроется что-то неприятное. Но, в конце концов, пришлось смириться – посол все равно не отвечал. Оставалось только тарашиться в окно.

Один раз на самой границе горизонта вспыхнуло нечто темно-синее, с проблесками молнии. Оно взметнулось до самого неба и погасло.

– Что это? – спросила я, ткнув в сторону всполоха.

Лицо Луи Шаторье помрачнело, он произнес:

– Ничего такого, о чем вам стоит думать сейчас, леди де Лафей. Лучше сконцентрируйтесь на том, как поскорее проникнуться женскими добродетелями.

Я промолчала и больше не заговаривала с послем за весь путь. Слушать наставления от него стало совсем невыносимо. Я и так загнана в угол. Дома мачеха и ее прихвостень, впереди – очень смутное будущее, и я совершенно не понимаю, как выбираться из тисков, в которые меня загоняют. Дар в груди шевельнулся и потеплел, словно подбадривая. От этого сделалось еще горше – его у меня отберут. Эта мысль жгла раскаленным железом.

Я надрывно вздохнула. Была бы рядом матушка, она бы подсказала, что делать. Но здесь только Шаторье.

Едва додумала эту мысль, как раздался голос, бархатный, глубокий:

– Валенсия...

Возникло ощущение, что справа кто-то сидит, наблюдает, но когда оглянулась, обнаружила лишь пустое сидение.

На вопросительный взгляд посла, пожала плечами, мол, померещилось. Стало быть, он голоса не слышал и значит я либо схожу с ума, либо не знаю.

Посол вновь уставился в окно. Меня же из-за раннего подъема сморило, откинувшись на спинку задремала.

Сон был странным. Я вроде слышала все, что происходит в дирижабле – как поскрипывают тросы, как свистит ветер за бортом, как Шаторье с кем-то приглушенно говорит, хотя других пассажиров не видела.

И, в тоже время, я в лесу, в какой-то беседке с золотым куполом. Лес окружен горами, повсюду безмятежность и свежесть. Даже во сне ощутила, какой воздух чистый.

Когда ступила на каменный пол беседки, слева раздался низкий голос, который сразу определила, как харизматичный.

Тот самый голос.

– Валенсия, огненный цветок...

– Что? – не поняла я.

Он словно не услышал и проговорил:

– Валенсия, что же ты вытворяешь?

Резко обернувшись, увидела спину мужчины. Он стоит, глядя куда-то в лес, лица не видно, лишь волосы цвета огня до лопаток. Именно огня, а не рыжие, как у меня. Одет в темно-зеленый камзол с золотыми нитями, черные штаны, сапоги до колен...

– Вы кто? – выдохнула я, пытаюсь заглянуть сбоку, чтобы рассмотреть лицо, но чем больше пыталась, тем сильнее его облик ускользал.

– Ты не хочешь замуж, Валенсия? – проигнорировав вопрос, спросил мужчина. Его ладони уперты в парапет, ощущение, что напряжен, хотя старательно это скрывает.

– Не вижу смысла туда хотеть, – отозвалась я, все еще не определив, что происходит. – Мы знакомы? Покажите лицо. Неприлично в разговоре с девушкой его скрывать.

Он усмехнулся бархатным голосом.

– А прилично убегать ночью от брачного посла и пытаться прыгнуть в реку?

– Вы и об этом знаете? – удивилась я. – Хотя стоп, я ведь сплю. Сплю ведь? Значит, мне может привидеться. Что угодно.

– Кто знает, где границы сна и яви, – многозначительно отозвался незнакомец и исчез, но тут же возник у меня за спиной.

Я вздрогнула, когда горячие, напряженные пальцы легли на плечи, а щеку опалило дыханием.

– Ты очень рисковала, Валенсия, когда бежала через грозу, – проговорил он, и по коже пробежали мурашки, я затрепетала, не понимая, как реагировать на собственное состояние. Губы незнакомца оказались у самого уха, и я с замиранием сердца гадала, что же мне приснится дальше.

– Если бы с тобой что-то случилось...

– Не очень-то пристойные сны мне снятся, – пробормотала я.

Пальцы на моих плечах чуть сжались, сминая ткань, незнакомец проговорил:

– Вас ждут еще много открытий Валенсия. Только обещайте больше не пытаться покончить с собой.

– Я не пыталась...

Его пальцы медленно заскользили по ключицам к груди, а магия внутри почему-то стала разливаться теплом. Но я откинула его ладонь.

– Вы что творите?!

Золотоволосый моментально отстранился, послышался тяжелый вздох, он проговорил:

– Вы прибыли.

Открыв глаза увидела, как Шаторье смотрит на меня с тревожным интересом. Правая бровь приподнята, руки сложены на груди.

Я приподнялась на сидении, потеряв шею и спросила:

– Я что, разговаривала во сне?

Брачный посол покачал головой.

– Нет, – сказал он, – но вид у вас был, будто проводите сеанс телепатической связи. Вы случайно, не распечатали дар самостоятельно, без моего ведома?

Меня как огнем опалило, магия в груди возмущенно шевельнулась и зарычала на Шаторье.

– Да как вы смеете! – выдохнула я. – Сначала увозите, как козу на продажу, теперь оскорбляете. И это я, по-вашему, манер не знаю? Знаете, господин Шаторье, вам бы самому поучиться.

От моей вспышки он даже рот раскрыл, в первую секунду не найдя, что сказать. Видимо, привык, что все перед ним пресмыкаются и раболепствуют. Но от меня этого не дождется, пусть будет хоть трижды брачным послом.

Спустя пару мгновений пристального изучения моего лица, которое, наверняка пышет возмущением, все же произнес:

– Не хотел вас оскорбить, леди де Лафей. Приношу извинения.

– Принимается, – буркнула я.

Даже стало слегка досадно, что он так быстро примирился. Я уже готова была с боем отстаивать свою честь. Что ж, Шаторье стоит отдать должное, когда отступить он знает.

До самого приезда мы молчали. Посол что-то изучал в пергаменте, а я думала о странном сне и его участнике. Эти волосы, этот голос... Я точно знала, что в жизни не встречала этого человека. Значит, он плод моего воображения. Видимо, напряжение последних дней, жених, пансион, все спровоцировало слуховые, а потом и визуальные видения.

Я вздохнула – хотя бы во сне привиделся тот, кому не безразлична моя судьба. Он явно беспокоился, не хотел, чтобы прыгала в реку. Хотя и начал распускать руки. С другой стороны, это ведь мой сон, значит и мои желания. Грезы, сплошные грезы...

Пансион Магикус Соле даже с высоты выглядел изысканно и величественно. Я представляла его, как нечто мрачное, ведь вокруг него столько тайн. Но он оказался светлым, два корпуса, сады, лабиринты из кустов, площадь с фонтаном.

Мы приземлились на специальной площадке. Шаторье передал меня на попечение какой-то девушке, назвавшейся Миа, а сам спешно удалился, на ходу уткнувшись в пергамент, который ему принес паж.

– Я ваша горничная, госпожа де Лафей, – радостно сообщила девушка. – Ваша и еще нескольких леди. Мне велено проводить вас в вашу комнату.

Я пожала плечами. Велено, так велено.

По пути глазела на картины во весь рост по стенам, скульптуры, разглядывала ажурные окна. Коридоры светлые, все чистое и правильное, я еще явственней ощутила, что не вписываюсь сюда со своим своеволием и бунтарством.

Мы пересекли нескончаемый коридор, затем поднялись по ступенькам, думала, на этом всё, но пришлось еще пройти по перемычке между корпусами, прямо в воздухе. Стены в ней стеклянные, и я вновь обратила внимание, как ухожено и благовоспитанно выглядит Магикус Соле сверху.

Наконец, когда уже отчаялась увидеть свою комнату, мы добрались до жилого корпуса. Миа сообщила, остановившись у одной из дверей:

– Госпожа де Лафей, вот ваши апартаменты. Вещи принесут через несколько минут. Вам что-нибудь нужно?

Мне нужно, чтобы меня оставили в покое и не пытались насильно выдать замуж, распечатать и забрав магию, подумала я, но горничной сказала:

– Нет, спасибо. Ничего не нужно. Я отдохну немного с дороги.

– Как будет угодно.

Девушка открыла передо мной дверь и удалилась. А я, войдя в комнату, с досадой обнаружила, что делить ее придется еще с двумя девушками. Дома в поместье, у меня была комната, пусть и со старой мебелью, зато большая и своя.

Я тяжело вздохнула и поприветствовала девушек.

– Я Валенсия Соул де Лафей. Для друзей Вел.

То, что друзей нет, уточнять не стала.

Девушка, отчаянно пытающаяся связать перед зеркалом на тумбочке каштановые кудряшки в узел, неловко закивала, при этом продолжая воевать с волосами. Между губ зажата шпилька, потому ответить не смогла. Но выглядит, вроде, милой, а веснушки придают задорности и веселости. Видимо для того, чтобы это подчеркнуть, на ней платье светло-зеленого цвета.

Вторая даже не оглянулась – сидит перед таким же зеркальцем, как и первая, с прямой, как жердь спиной, подбородок вздернут. Смоляные волосы гладкие и ниспадают ниже пояса, платье бледно голубое, в кружевах. На лице аристократическая бледность, а подведенные малиновым губы только подчеркивают это.

Косясь на брюнетку, я прошла к свободной кровати у окна и села. Кудряшка, как про себя назвала первую девушку, наконец завязала волосы в узел и выплюнула шпильку.

– Привет! – радостно сказала она. – Я Аерин Бофо. Но дома меня зовут Ари. Ты новенькая? А, ну да, конечно новенькая. Что я спрашиваю. Видела, ты прилетела дирижаблем. Обычно на нем только из далека прилетают. Я-то приехала в экипаже. Всего день пути. Откуда ты?

Поток информации меня озадачил. Опыт общения с женским полом ограничивался Джозет де Лафей и несколькими служанками. Впрочем, опыта в общении с мужчинами тоже не много. Но с ними хотя бы можно играть в догонялки. Было можно. Пока сыновья слуг не стали смотреть на меня как-то по-особенному, и отец не запретил с ними дружить. Сказал, мы перестали быть детьми, и он не позволит, чтобы на дочь боевого мага в отставке сально глазели сыновья конюхов.

– Эм... – протянула я, – очень приятно. Да, мой дом далеко.

Посвящать в подробности едва знакомого человека не хотелось.

Через секунду в дверь постучали, принесли мои вещи – скромный саквояж с пожитками. Я принялась раскладывать их в тумбочке, косясь на брюнетку. Та даже взглядом не повела, когда пришел носильщик.

– А что с ней? – спросила я тихо, кивая на брюнетку.

Ари сделала круглые глаза и, подманив меня, прошептала:

– Это Катрина Жанжори. Упражняется в выдержке и бесстрастности. Она из богатого рода приближенных короля.

Я округлила глаза.

– Де Фламер?

– Ага, – согласилась Ари. – Видишь, как подбородок держит? Говорит, по статусу положено так себя держать. У нас тут все работают над недостатками, чтобы стать достойными мужей.

Я поморщилась. Я не представляла, как вообще впишусь туда, где все идет в разрез с моими взглядами. От одной только мысли, что придется пресмыкаться, склонять голову перед мужчиной спящая в груди магия нагревалась и жгла.

– И что, долго сидит? – спросила я.

Ари кивнула.

– Уже третий час. Мы с ней не особо общаемся. Сама догадываешься, она так еще штучка.

То, что эта Катрина особа специфическая, понятно с первого взгляда. Стало не по себе. И так увезли боги знают куда от дома, так еще и придется терпеть чокнутых соседей.

Раскладывать вещи закончила быстро, вздохнула и повернулась к окну. Оно открыто и свежий ветерок колышет прозрачные занавески. На другой стороне площади за живой изгородью второй корпус, поменьше, но возникло ощущение, что не в размере дело.

Ари подскочила с кровати и крутанулась, расправляя оборки на платье.

– А ты здесь за что? – спросила я, не отрывая взгляд от малого корпуса.

Девушка озадаченно промычала, а я пояснила:

– В смысле, почему тебя отправили в Магикус Соле?

– А... – облегченно выдохнула Ари. – Матушка считает, что мне надо поучиться сдержанности. Будто много говорю. А мужчины это не любят. Мы из северных земель, там не слишком любят разговоры. А я вот какая-то слишком болтливая по словам матушки. Но я так не думаю, просто считаю, надо радоваться жизни, пока можем.

Я хмыкнула. Ари действительно выдает в минуту кучу слов. За несколько секунд я узнала половину ее жизни. Но этот щебет не раздражает, тогда как чопорная молчаливость Катрины, которая все восседает перед зеркалом, как статуя, напрягает куда сильнее.

– Значит, – уточнила я, – ты здесь по доброй воле?

Ари пояснила:

– Я не хотела ехать. Но матушка сказала, глупо упускать шанс, когда из такого пансиона приходит приглашение. Да и не так тут и плохо. Во всяком случае, будет возможность найти себе жениха и показать себя во всей красе.

– В каком смысле? – не поняла я.

– Ну как, – отозвалась Ари, – вон тот корпус видишь? Это корпус женихов.

Я охнула, слова вырвались сами.

– То есть нас сюда на случку свезли?

Аерин покраснела, а я поджала губы. Знала, что кобыл возят на случку и собак тоже, правда при этом никогда не присутствовала, но конюхи всегда очень переживали, чтобы кобылу не «покрыл» беспородный жеребец. Что означало «покрыл» – мне тоже никто не говорил.

– Ты не хочешь замуж? – неверяще спросила Аерин.

Я поморщилась. Шаторье говорил об обучении, передаче дара. Но и словом не обмолвился, что нас свезут сюда, как скот во время гона. С другой стороны, хоть узнаю, как выглядит. А если он страшный или грубый, или еще какой – сбегу. Обязательно сбегу. Опять.

– Не дождусь, когда посмотрю в лицо своему благодетелю, – даже не пытаюсь скрыть пренебрежения, отозвалась я.

– В лицо? – переспросила Ари и засмеялась. – Нет, Вел, их лиц мы не увидим.

Магия внутри меня всколыхнулась, глаза округлились, но прежде, чем успела спросить, какого демона так несправедливо, прозвучал протяжный гул. Ари вскинулась, Катрина вышла из оцепенения и поднялась, величественная и невозмутимая.

Поддавшись общему возбуждению, я тоже подскочила.

– Что? Что происходит?

Ари цапнула меня за руку и, светясь энтузиазмом, потащила к двери.

– Ты очень вовремя приехала, Вел. Именно сегодня первая встреча с женихами.

Глава 3

Прежде, чем смогла сообразить, что происходит, Ари вытащила меня из комнаты. Мы пробежали по коридорам и анфиладам, снова поворачивали, спускались по ступенькам, и наконец оказались в светлом зале с лепниной на потолке.

Вместо ламп магические шары переливаются желтоватым прямо в воздухе. Я с досадой подумала, что интерьер оснащали мужчины – женщины не смогли бы применить магию, здесь ее все равно отбирают.

В центре зала шеренга девушек, к краю которой спешно примкнули мы втроем.

– Это что за построение? – спросила я шепотом.

Ари пояснила:

– Сейчас нас поприветствует господин Шаторье.

– А женихи?

– Они...

Закончить Ари не успела, светящиеся шары под потолком колыхнулись и сменили цвет с желтого на призрачно-синий. В центре зала за клубилось облачко тумана, а через секунду из него проступила фигура в черной ливрее и с мечом на поясе.

Когда туман рассеялся, господин Шаторье ступил вперед и как-то одним взглядом охватил всех девушек сразу. А их по моим прикидкам около тридцати.

– Приветствую вас, леди, – произнес он величественно. – Сегодня день, когда ученицы вашего потока впервые встретятся со своими женихами. Вы, конечно, ждали этого, приводили себя в порядок, завивали волосы...

При этих словах его взгляд скользнул по мне, выражение лица осталось прежним, но я буквально кожей ощутила его брезгливость – после путешествия не успела сменить платье и сходить в ванную. Теперь на фоне разодетых в зефирные кружева девушек выгляжу гадким утенком.

Пришлось сцепить зубы и сделать вид, что мне все равно. А мне все равно, потому что не хочу производить впечатление ни на Шаторье, ни на жениха, который решил присвоить мою магию. Конечно. Они пользуются женщинами, как живыми сосудами силы. Неужели только мне это очевидно?

Луи Шаторье тем временем продолжал, вновь устремив взгляд на всех и ни на кого:

– Но не забывайте, внешность, это лишь начало. Куда важнее то, как вы будете себя вести. Манеры, девушки. Манеры. Покладистость и смирение. На сегодняшней встрече мы выявим ваши слабые стороны и в последствии будем над ними работать. Чтобы к следующему разу ваши качества улучшились.

При этом он вновь покосился на меня.

Затем развернулся и хлопнул в ладоши. Звук разлетелся под купол, и откуда-то полилась мягкая непринужденная музыка. А затем в левой части зала открылась дверь.

Я ожидала, что женихи выйдут друг за другом и выстроятся, как и мы, шеренгой. Но время шло, никто не выходил. Среди девушек пошел легкий шепот, некоторые нетерпеливо выглядывали, нервно теребили рюши на платьях.

Шаторье будто упивался нашим замешательством. Некоторое время он наблюдал, затем проговорил:

– Девушки, вы можете рассредоточиться по залу. Не обязательно стоять в ряд.

Формулировка в очередной раз подтвердила, что Луи не всегда был брачным послом. Да и выправка его выдает. И этот меч на поясе...

Но его слова подействовали на всех ободряюще. Девушки как-то расслабились. Сначала робко, потом чуть смелее разбились по группкам, стали ходить по залу. Чем дальше, тем больше все забывали, что вообще-то на смотринах, или как это еще называется. То там, то здесь слышался залиvistый смех, вероятно недопустимый для настоящей леди.

Трем девушкам в особо пышных платьях, видимо, стало скучно – они принялись играть в догонялки, хохоча и хлопая друг друга по плечам. Даже я нахмурила брови – в такое играла, когда была меленькой. А как подросла, перешла на стрельбу из лука. Догонялки для детей.

Мы с Ари отошли в сторонку, стараясь не выделяться. Точнее, не выделяться старалась я, а она об этом, видимо, не думала – глазела по сторонам. Катрина почти сразу примкнула к четырем девушкам у окна, таким же мистически-чопорным и надменным, на нас взглянула лишь раз. И то, наверное, случайно.

– Видела? – щебетала Ари. – Лалиана разоделась, как на бал. Для первой встречи слишком, на мой взгляд. Хотя, что я понимаю. Она бывала при дворе короля. Слышала про короля? Говорят, его род идет от драконов. А вон, посмотри, Эделаида Фицпатрик перестаралась с закрепляющим спреем для волос. Прическа выглядит каменной...

Если в первую встречу трескотня Ари даже расслабляла, то сейчас внутри все больше росла тревога. Здесь слишком много девушек. Причем девушек знатных, правильных, настоящих леди. Рядом с ними я действительно булыжник среди алмазов. А с моим характером обучиться хоть чему-нибудь почти непосильная задача.

Но еще смутное ощущение тревоги заставило сердце биться быстрее, хотя источника этой тревоги определить не смогла. Ха! Они собрались проверять наличие у меня магии. Да я лучше любого из них в курсе – она у меня есть. Только вот было бы куда лучше, не знай они об этом.

Я поморщилась. Сейчас вариантов не много – либо учиться и выходить за муж за неведомого жениха, который лишит меня магии, либо выйти замуж за вообще не мага, и магию тоже отберут. Не понятно, что хуже.

Грудь сдавило тоской. Нераспечатанный дар шевельнулся в груди и заурчал, как котенок, который пытается успокоить хозяйку. Я даже не знаю, в чем именно мой дар. И, видимо, никогда не узнаю. Пользоваться им будет муж...

Я обернулась к Ари, чтобы спросить, как долго мы еще будем тут стоять, но вместо нее обнаружила Шаторье.

От неожиданности вздрогнула, а он проговорил, строго глядя сверху вниз:

– Леди де Лафей, вы не потрудились переодеться.

– Не успела, – честно призналась я.

– Первое правило леди, – проговорил он, – всегда выглядеть безупречно. Это первый шаг к покорности.

Я нахмурила брови.

– Если жениху нужна моя магия, какая разница, выгляжу я как вон та, как там её... Лалиана или нет.

– Наряд женщины, миледи, – произнес Шаторье таким тоном, словно я последняя деревенщина, которой приходится пояснять простые истины, – это послание, которое мужчина считывает, едва видит ее. И поверьте, его отношение во многом зависит от того, что он читает.

– Вы же понимаете, мне плевать, что подумает ваш жених, – фыркнула я. – Тем более, судить о человеке по наряду, последнее, что стоит делать. Хотя если вашему хозяину не нравятся, я с удовольствием отправлюсь домой.

Глаза Шаторье сверкнули, он произнес:

– Вы ведь знаете, что отсюда уедете без дара, если он у вас действительно есть.

Я промолчала, насупившись еще сильнее и сделала вид, что больше его не замечаю. Даже когда посла окутал сероватый дымок и Шаторье исчез, оставив легкий запах озона, продолжала мрачно взирать на щебечущих девиц.

Мое присутствие в Магикус Соле – ошибка. Я не гожусь на роль благородной матроны, чопорно гуляющую среди колонн, как Катрина и ее подруги. Мне нужна свобода. Я привыкла бегать по лесу, чувствовать, как трава щекочет пятки, вдыхать ароматы трав... А здесь... Здесь все не моё. И перспективы не радужные. Иллюзия выбора – лишь иллюзия.

Размышляя о своей незавидной судьбе, заметила, что в зале начали появляться мужчины. По одному и как-то очень незаметно, в одинаковых синих ливреях, отличимые лишь нашивками гербов на рукавах. Они прохаживаются меж девушек, как тени, и заметить их получается далеко не у каждой. Но поразило другое.

Лица у всех подернуты дымкой, и разглядеть, что она скрывает не выходит. Внутри снова шевельнулось негодование – значит они будут разглядывать нас, как гусынь на базаре, а сами даже носа не покажут.

Прекрасно.

Двое из них приблизились к девушкам, одна из которых Катрина. Она не сразу заметила его, все же, кроме дымки, лица мужчин укрывает еще какой-то полог. Лишь спустя несколько мгновений до нее, видимо, дошло, что перед ней кавалер, она присела в идеально выверенном реверансе.

Я продолжала наблюдать за увеличением количества мужчин в зале. И вскоре даже Ари разговаривала с каким-то юношей, запрокидывая голову и весело хохоча. Одна я стояла возле колонны, как одинокое дерево.

В груди шевельнулась обида.

Мой жених даже не удосужился явиться. А Шаторье говорит, это я невоспитанная. Хотя, может мой наряд отпугнул его. Что ж, тогда правильно, что не стала переодеваться. Я не стану выпендриваться перед незнакомцем, лишь бы удовлетворить его эстетические чувства.

– Кавалер не осчастливил? – раздался слегка сиплый голос за спиной.

Я вздрогнула от неожиданности и резко обернулась, едва не задев локтем незнакомца.

Им оказался юноша, определенно юноша, судя по голосу и комплекции. Не такой высокий, как Шаторье, хотя Шаторье высокий даже для мужчины. Одет в такую же синюю ливрею, как и остальные. Лицо скрыто дымкой.

– Вы кто? – вырвалось у меня прежде, чем сообразила, что нужно говорить в таких ситуациях.

Незнакомец усмехнулся.

– Пренебрегаете манерами?

Я растерялась от прямоты. Не то, чтобы планировала пренебрегать манерами, но думать, как себя вести по этикету в неожиданных ситуациях не привыкла.

Но голос юноши насторожил. Вроде держится прямо, одет хорошо, но от чего-то стало не по себе. Возможно полог дымки на лице добавил смутных ощущений.

– Разве девушек сюда привозят не для того, чтобы этим манерам обучить? – отозвалась я, быстро беря себя в руки.

– Тоже верно, – согласился юноша, кивая дымкой.

Я пыталась разглядеть его лицо, прорваться сквозь туман, но ничего не выходило. От моих стараний магия в районе груди с гудением зашевелилась. Он продолжал стоять передо мной, заложив руки за спину, словно чего-то выжидает и тоже меня рассматривает.

От этого стало не по себе – неприятно, когда собеседник тебя видит, а ты его нет.

Я заметила:

– Вы тоже не слишком манерны.

– Неужели? – с наигранным удивлением отозвался незнакомец.

– Именно, – проговорила я, скользнув взглядом по нашивке на плече, где изображен герб черного змея. – Не представились до сих пор. А я спрашивала. И вообще, что это за ерунда со скрыванием ваших лиц? Почему нам нельзя видеть мужчин?

Из дымки послышался смешок.

– Вы очень смелая и прямолинейная для леди, – сказал незнакомец.

– Не вы первый это говорите, – нахмурившись произнесла я, спешно думая, не перегибаю ли где-то палку опять.

– Почему-то не удивлен, миледи, – снова усмехаясь проговорил тот. – Но вы правы, я должен был представиться. Однако...

Незнакомец сделал паузу, в которой я, видимо, должна была сама до чего-то догадаться, или даже договорить вместо него. Но я продолжала вопросительно смотреть в дымку.

Через пару мгновений он вздохнул и проговорил:

– По правилам пансиона мужчинам запрещено раскрывать себя до момента передачи дара, если такой у девушки имеется.

Я охнула, вытаращив глаза, и даже не подумала, что это снова выглядит совсем не как у леди.

Меня упекли в Магикус Соле, заставляют переступить себя, готовятся отнять магию, при этом личность нареченного держат в подозрительной секретности.

В голову вновь полезли тревожные мысли, что он какой-нибудь урод, мерзавец, или все вместе.

– Хорошенькое дело... – пробормотала я. – Значит, мы здесь вроде пленниц в золотой клетке, где еще и положено... Что тут положено?

– А господин Шаторье не объяснил? – все тем же веселым голосом поинтересовался незнакомец.

Я сдвинула плечами.

– В общих чертах. Чем обязана тут заниматься не знаю. И, если честно, не сильно хочется узнать.

– Не нравится пансион?

– Мы слишком мало знакомы, чтобы такое обсуждать, – вырвалось у меня. Впрочем, я действительно не хотела обсуждать личное с посторонним человеком, и перевела тему, раз уж пришлось стоять тут и беседовать: – А вы? Вы знаете, свою невесту? В смысле, как выглядит.

Ладонь незнакомца нырнула в дымку, видимо потер подбородок.

– Прекрасно знаю, – отозвался он тоном, от которого почему-то похолодела поясница.

– Может тогда пойдете ей докучать? – криво спросила я.

– Мне нравится докучать вам.

– А мне нет, – отозвалась я. – Неприятно, когда вместо лица собеседника туман. Бойтесь открыть?

Вновь послышался его сипловатый смех, он произнес:

– Нет.

– Тогда почему скрываете?

– Не время, – бросил он как-то раздраженно. – Так как вас зовут?

Двойственность стандартов и вопиющая несправедливость на секунду лишили дара речи. Значит, они еще и могут выбирать, разглядывать, как гусынь на выпасе. А нам остается присесть в книксене и склонять головы. Хотя некоторым, судя по всему, это нравится. Лалиана со своим собеседником улыбается во все зубы, Ари хохочет перед каким-то другим дымчатолицым, даже на лице Катрины очень сдержанная, но все же улыбка. Да и вообще, девушки выглядят вполне довольными. Им нравится такая участь и, видимо, потеря магии, у кого она есть, не сильно пугает.

Что ж придется задать несколько вопросов Шаторье.

– Мисс?

Голос незнакомца вырвал из размышлений, я подняла взгляд на него, и едва не поморщилась – трудно смотреть в лицо, когда вместо него сплошное облако.

– Да?

– Вы не хотите называть имени? – спросил он с усмешкой. – Имейте ввиду, я могу спросить у Шаторье.

– Как будет угодно, – отозвалась я. – Валенсия Соул де Лафей.

– Очень приятно, леди де Лафей, – проговорил юноша и как-то удовлетворенно выдохнул.

– Возможно и мне будет, если узнаю, как к вам обращаться, – сказала я.

– Всему свое время, леди.

Судя по тону, ему очень нравилась позиция превосходства. Сама ситуация просто ужасна – мы как рыбки за стеклом, должны ходить, улыбаться. Это выбивает из колеи еще больше, а учитывая, что события последних суток слишком стремительные, вообще трудно трезво соображать.

Я поискала взглядом Шаторье. Он стоит возле мраморной колонны и взирает на происходящее с видом распорядителя – единственный из мужчин в зале, чье лицо открыто.

– Знаете, – сказала я безмянному собеседнику, – я приехала только сегодня и очень устала. Не обессудьте, но мне сейчас не до светских разговоров.

Прежде, чем успел ответить, я развернулась и пошла к послу, стараясь не обращать внимания на взгляды, которые посылают некоторые девушки. Еще бы, они все разодеты, как пирожные, куда мне с моим темно-зеленым дорожным платьем

– Господин Шаторье, – обратилась я без церемоний, подойдя. – Я могу уйти отдыхать? Очень устала, если честно, после дороги.

А про себя добавила: после бегства от Ашиля под дождем, скачки, перекинутой поперек седла, ругани с мачехой и разговором с типом, который кроме тревоги ничего не вызывает.

Он окинул меня взглядом, который не люблю больше всего – оценивающим и бесстрастным.

– Леди де Лафей, вас проводит Миа.

Я даже удивилась, как быстро он согласился. Наверное, не хотел лицезреть мое скромное платье в этом шикарном зале.

– Благодарю, – отозвалась я.

Горничная возникла как из неоткуда, улыбнулась, присела в поклоне.

Пока вела меня обратно по коридорам, я размышляла, зачем нас всех сегодня собрали в этом зале. Видимо, что-то вроде предварительного знакомства. Шаторье говорил – это для выявления наших слабых сторон.

Я, вероятно, в этом лидирую, поскольку легче стрелять в мишень из лука, чем рассыпаться в дифирамбах перед женихами. Хотя в этот раз меня почти никто не беспокоил, если не считать дымчатолицего. Даже голос его вызывает дрожь и неприятное ворочанье в груди. Тем более, за туманом не видно его взгляда. А взгляд говорит о многом.

Взгляд отца был строгим, сильным, но заботливым. Взгляд Джозет – хитрый и алчный. Глаза Ашиля сквозят необъяснимой злобой. А Шаторье – тайной. Но что во взгляде того, чьи глаза сокрыты дымкой?

Я вздохнула. Пребывание в Магикус Соле обещает быть непростым.

Я так погрузилась в размышления, что даже не видела, куда ступаю, просто следуя за горничной. В какой-то момент показалось, мир пошел рябью, а вдалеке прозвучал бархатный голос:

– Валенсия, будь...

Но фраза оборвалась на половине. Ошеломленная неожиданностью, я споткнулась на ступеньках и едва не налетела на горничную.

– С вами все в порядке? – тревожно спросила она.

Я не знала.

Но одно понимала точно: никому из знакомых мне в пансионе говорить об этих видениях не стоит.

Глава 4

Оставшись одна в комнате, пока соседки продолжали сомнительное веселье на смотрах, я наконец выдохнула. Впервые за столько времени можно расслабиться, что я и сделала, отправившись в ванную.

Ожидала увидеть деревянную лохань, какой стали пользоваться дома после того, как управление получила Джозет. Она сочла, что траты на ванны принадлежности – вопиющее расточительство, и вообще, мыться слишком часто вредно. Поэтому мы все пользовались большими кадками, которые приходилось наполнять долго и тяжело.

И очень приятно удивилась, увидев в потайной комнатке небольшую, но мраморную ванну, в которой можно сидеть. Стены тоже мраморные, светлые, видимо, чтобы от влаги не гнили. Еще удивило наличие окна, с подоконником и горшком с раскидистым зеленым цветком. Дома мы купались в исключительно закрытой комнате при свечах.

Я на всякий случай огляделась. Почему-то окно, из которого открывается вид на противоположный корпус, смущал. И, хотя корпус этот слишком далеко, чтобы что-то разглядеть, да и цветок закрывает обзор, все равно не по себе.

Свечу зажигать тоже не стала.

Порадовало наличие кранов. Спустя несколько мгновений, одежда кучкой лежала на полу, а я сидела в горячей воде. Мышцы сразу приятно расслабились, события нескольких суток показались не такими страшными, а участь не такой беспросветной.

Они хотят, чтобы я обучилась быть леди. Что ж, вообще-то не такая плохая затея. Учиться всегда полезно, мало ли, где пригодиться. Но что делать с замужеством и распечатыванием дара, который после этого отнимут надо еще придумать. И узнать, как вообще происходит это распечатывание, передача...

Во всяком случае, соседки достались не такие плохие. Катрина надменна, но не достает. Ари, конечно, болтушка, но вроде тоже безобидная.

Я закрыла глаза и откинулась на спинку, отдаваясь блаженному теплу воды. Некоторое время лежала. А потом магия в груди шевельнулась и заурчала, как любопытный кот, возникло ощущение, что я в ванной не одна.

Резко открыв глаза я села и прикрылась, завертев головой.

– Кто тут? – вырвалось у меня.

Но в ванной пусто, только цветок покачивает листьями от сквозняка.

Ощущение чуть ослабло. Но все равно стало не по себе. Осознавать, что кто-то подглядывает за тобой, пока купаешься – не самое приятное.

Дольше рассиживаться не хотелось.

Поднявшись, я насухо вытерлась и обмоталась полотенцем. С охапкой дорожной одежды вернулась в комнату и стала искать, что надеть подходящего, чтобы не казаться совсем ободранкой, но и не выделяться.

Выбор пал на светло-голубое платье под горло и с ажурной каемкой по груди. То, что нужно – не слишком броско, не слишком блекло.

Скинув полотенце, я стала быстро облачаться.

В окно что-то стукнуло, я вздрогнула и спешно закончила одеваться. Подбежав, встала коленями на кровать, в надежде увидеть, кто мог ударить в стекло на высоте третьего этажа, но за окном пусто, голубое небо в облачках, вдали сады, лабиринты, корпус...

Я невольно поежилась. Еще призраков не хватало. Кто это еще может быть, как не призрак?

Но размышлять мне не дали. Явились Ари и Катрина.

Первая начала щебетать о том, как замечательно все прошло, как она поговорила аж с тремя юношами, правда так и не поняла, кто из них ее нареченный. Успела поведать о платьях всех девушек, прическах, о том, как Фионита Гинсбор ржала, как лошадь, а Сюзиан Лабо споткнулась и едва не сбила кавалера... Она рассказывала, рассказывала, а я даже не пыталась запомнить, кто все эти люди и почему мне нужно о них знать.

Зато Катрина чинно прошла к своей постели, и опустившись на край, вновь уставилась в зеркало.

Я не смогла сдержать восхищенного хмыканья – у нее действительно хорошая выдержка. Я бы так не смогла.

– Послушай, – обратилась я к Ари, когда словесный поток той, чуть уменьшился. – Почему нам не позволено видеть лиц юношей?

Ари вытаращилась на меня, будто что-то обидное спросила.

– Как? Разве не знаешь?

– Я бы не спрашивала.

Ари выдохнула удивление и стала пояснять:

– Господин Шаторье говорит, девушка не должна отвлекаться на внешность мужчины. Она может быть обманчива. Стоит обращать внимание лишь на поведение и отношение. Так поступают истинные леди.

Я недовольно хмыкнула. Конечно, леди должна это, леди должна то, наверное, легче сказать, чего леди не должна.

– Удивительно, почему господин Шаторье не рассказал мне этого, пока ехали в экипаже и летели на дирижабле, – буркнула я.

Глава Аерин округлились, она стала похожа на изумленного цыпленка.

– Тебя привез Шаторье? – выдохнула она.

– Ну да, – отозвалась я. – Нагрянул, как демон, перепугал мачеху, меня. И на следующий день забрал сюда.

Аерин и Катрина переглянулись. Даже на лице молчаливой брюнетки мелькнуло удивление. Стало как-то неуютно. С этими девушками мне, видимо, предстоит общаться долго. Не хочется портить отношения в самом начале.

– А что не так? – спросила я.

Девушки снова переглянулись, Катрина вернулась к созерцанию своего отражения, а Ари проговорила:

– Вообще-то господин Шаторье ни за кем не ездит. Он же главный брачный посол всей Алмории.

Взгляды обеих мне как-то не понравились. Так же смотрела Джозет, когда я надевала выходное платье, она явно завидовала молодости и стройной фигуре, тогда как ей приходилось постоянно утягиваться корсетом.

Я постаралась ответить как можно беспечней:

– Наверное все подручные оказались заняты. Пришлось самому ехать в такую даль.

– Еще и в даль, – хмыкнула Ари и поиграла бровями, мол, ты что-то скрываешь, и не говоришь.

Мне же осталось сделать самое невинное выражение лица и развести руками. С момента, когда узнала, что меня собираются выдать замуж, произошло столько, что хватило бы на целую жизнь. Только теперь ощутила, как устала и возблагодарила богов, что у меня есть отдельная кровать и можно прилечь.

До самого вечера мучилась вопросом, кого из этих дымчатолицых Шаторье пророчил мне в мужья. Скорее всего того неприятного типа, который со мной говорил. Но если это так, у меня действительно проблемы. Непонятно почему, но все мое нутро, едва думаю о нем, встает на дыбы. И зачем столько таинственности?

Эти и другие вопросы носились в голове, как безумные кролики. Я открыла окно, впуская свежий вечерний ветерок в комнату. Катрина одарила меня холодным взглядом, но ничего не сказала. А я глазела на звезды, которые у нас в поместье были не видны из-за раскидистых крон, и огоньки в окнах противоположного корпуса.

К счастью, больше никто не беспокоил. Видимо, Шаторье решил, что девушкам, прибывшим сегодня, требуется отдых, и не стал назначать больше никаких заданий.

Ари успела рассказать, что наша группа девушек совсем свежая, первые ученицы приехали два дня назад, она и Катрина вчера, поэтому занятий еще не было. Но говорят, наставницы здесь строгие.

– После моей мачехи уже ничего не страшно, – отозвалась я на это. – И после ее ухажера.

– Ой, – охнула она. – Расскажи, расскажи, расскажи!

Я изумленно покосилась на нее, вот уж кто точно лишен манер и чувства такта. Пожала плечами – что толку рассказывать о прошлом, если оно уже не вернется. Во всей моей ситуации одно хорошо – больше не будет нападков со стороны Джозет, и Ашиль не будет капать на меня ядом. Хотя очень досадно, что отцовское поместье попало в лапы алчных мерзавцев.

Но сейчас нужно беспокоиться о себе.

– Как-то не очень хочется, – отозвалась я хмуро. – Если вы обе не против, я лягу спать.

День был длинным.

Ари разочарованно вздохнула, а Катрина перевела взгляд обратно на зеркало.

Я же, едва голова коснулась подушки, провалилась в черноту.

Обычно от усталости сплю, как барсук зимой в берлоге, без сновидений. Но сейчас с изумлением вновь обнаружила себя в лесной беседке, какую уже видела во сне, когда летела на дирижабле.

У балкончика все тот же мужчина спиной, золотые волосы шевелятся от ветерка, спина прямая и гордая.

Я покрутила головой – все такое реальное, такое живое, что сложно поверить, что это лишь мои грезы. Запахи травы, свежесть ветерка, спокойствие и красота...

– Опять этот сон... – проговорила я себе, – удивившись еще и тому, что понимаю, что сплю.

– А если не сон? – спросил золотоволосый не оборачиваясь.

– Я сплю, – уверенно сообщила я. – Значит, сон.

– А что если сны – лишь варианты реальности? – протянул мужчина и тут же продолжил: – Хотя не важно. Не будем забивать голову. Как ты себя чувствуешь, Валенсия?

Происходящее выбивало почву из-под ног, даже сейчас, во сне, нераскрытая магия в груди любопытно зашевелилась, вопреки моим опасениям.

– Странно что вы интересуетесь, – опасливо заметила я. – В прошлый раз вы вели себя немного...

Я смутилась, вспомнив, как его горячие пальцы скользили по моей коже. Даже если это мой сон, все равно щеки теплеют.

Он проговорил:

– Прошу простить за прошлый раз. Я не должен был. Просто...

Он попытался что-то сказать, но спина его резко напряглась, пальцы впились в край парашюта.

Я испуганно спросила, не представляя, как в случае чего помогать призраку во сне:

– Что с вами?

– Я... – выдавил он, но запнулся, тяжело задышав.

Только спустя минуту молчания, вновь пришел в норму, плечи расслабились.

Осторожно, чтобы золотоволосый вновь не отвернулся, я зашла сбоку и попыталась заглянуть в лицо. Но едва оказалась слева, он исчез и материализовался за спиной, как и в прошлый раз.

– Кто вы такой? – спросила я. – В прошлый раз вы не ответили. Но сейчас это повторяется... Вы... божество?

За спиной послышался приглушенный смех.

– Нет, Валенсия, я не божество, – отозвался золотоволосый, а я все не решалась обернуться, чтобы посмотреть ему в лицо. – И вы не представляете, каких усилий мне стоит быть хотя бы здесь.

– Здесь? Здесь это где? – не поняла я, вопросы возникали, как грибы после дождя.

Он напрягся, словно пытается подобрать слова, но потом вновь обмяк и покачал головой.

– Не могу...

Я не выдержала.

– Да чего не можете?

– Присядь, – как-то разочарованно произнес золотоволосый. – Расскажи, как тебе в пансионе?

Сейчас после увиденного говорить о пансионе хотелось меньше всего. В мой сон является мужчина, силится что-то сделать или сказать, прикасается так, что обдает жаром. И после этого хочет говорить о пансионе?

– Почему вас это интересует? – удивленно спросила я. – Мне больше другое интересует. Кто вы, что здесь делаете, почему все это происходит?

Послышался горький смешок.

– Должны же мы о чем-то говорить, если... то, о чем говорить нужно, не доступно... – отозвался золотоволосый, я ощутила легкое прикосновение его пальцев к волосам.

– Недоступно? Почему? Почему недоступно?

– Не могу...

Его пальцы очень легко проскользили по моим локонам, по телу пробежали мурашки. Присутствие золотоволосого так сильно отличалось от присутствия того кавалера на смотринах.

– Я вас пугаю? – спросил он шепотом прямо в ухо.

– Не знаю... – растеряно отозвалась я. – Кажется, нет. Это ведь не по-настоящему.

– Это как посмотреть, Валенсия, – отозвался он.

Затем мягко коснулся пальцами моего локтя, меня буквально звездами обсыпало от этого невинного жеста.

Очарованная, позволила провести себя к лавочке. Когда села, думала, он опустится напротив, и я, наконец, увижу его лицо. Но к глубокому разочарованию, он сел позади, причем перекинув ногу через лавку, и я теперь спиной чувствую тепло его тела. Во сне!

– Почему вы не показываете лица? – спросила я и попыталась обернуться.

Но на плечи легли ладони, мягкие, но тяжелые, он остановил меня.

– Не все сразу, – сказал золотоволосый. – Не хочу тебя напугать.

– У вас уродство? – вырвалось у меня и тут же зажала ладонями рот, ругая себя за бестактность. Конечно, манерами я никогда не отличалась, но сейчас почему-то совсем не хотелось обижать этого призрачного собеседника, единственного из всего окружения, кто добр ко мне. Хоть и слегка фриволен.

С другой стороны, это ведь сон. А в моем сне что хочу, то и делаю.

Над ухом раздался мягкий голос и по коже пробежали мурашки от его дыхания.

– А если уродство? – спросил он. – Если сейчас меня можно увидеть не в самом приятном виде? Что тогда?

– Тогда мне очень жаль. И я не хотела обидеть. Честно.

– Значит, вы бы не пожелали пробудиться от кошмара, если бы увидели не то, что рассчитывали? – вновь поинтересовался он.

Его голос обволакивал, струился чем-то тягучим и мягким по коже. Я с трудом верила, что это лишь сон – все слишком реально. И эти мимолетные прикосновения, этот жар дыхания, тепло тела. Очень хотелось на него посмотреть, но золотоволосый явно дал понять, что не желает, чтобы я его видела. Во всяком случае, пока.

– Я не из трусливых, – ответила я. – Тем более, если это мой кошмар.

– Так значит, все же кошмар? – усмехнулись над ухом. – Неужели я вам так неприятен? Я минуту подумала, говорить или нет, но потом решила – это всего лишь греза.

– Наоборот, – произнесла я. – Наверное, от нервов я сбегая куда-то в страну сновидений. Вы плод моего воображения и попытка найти защиту от безжалостной судьбы. Так что если это кошмар, то самый приятный из всех, что видела. Особенно если сравнивать с реальностью.

– Реальность так ужасна? – поинтересовался золотоволосый как-то печально, и хватка на плечах ослабла, он убрал руки, но не отодвинулся, и я продолжала ощущать его тепло.

– А как вы думаете? Меня насильно выдают замуж за какого-то богатенького хама, который требует манер, а сам как-то забыл о приличиях.

– Как и я, – заметил золотоволосый, наклонившись к уху и опалив его дыханием. – Я ведь тоже не рассыпаюсь в поклонах.

По коже прокатились мурашки, дар в груди шевельнулся, как любопытный проснувшийся котенок, кивнула и проговорила, сглотнув:

– Да... Но вы лишь сон. А жених или кто он там – вполне реальный.

– Выходит, вас обижает его бесцеремонность, а моя нет? – поинтересовался золотоволосый с усмешкой.

Говорить с собеседником из сна почему-то легко и просто. Даже его прикосновения и близость ощущаются как нечто само собой разумеющееся. Видимо потому, что все ненастоящее.

Я отвела рыжий локон со лба и произнесла, почему-то вспомнив любовника Джозет:

– Не знаю. Но некоторые привыкли относиться к другим, как к вещам. И вообще, если честно, стало обидно, когда все девушки разбрелись по парам, а я еще долго стояла в одиночестве.

– По-моему, как раз не долго, – резко потемневшим голосом отозвался золотоволосый. – Без внимания вас не оставили.

Чуть обернувшись, но не до конца, чтобы не смущать собеседника, я проговорила удивленно:

– И об этом знаете?

– Ну, – почему-то едко усмехнулся золотоволосый, – если верить вашей теории Валенсия, я плод вашего воображения. Значит, знаю все, что известно вам.

– Мда... действительно. Тогда как плод моего воображения может быть недоволен. У меня ощущение что вы... не знаю. Ревнуете что ли.

Послышался скрип зубов, краем глаза заметила, как пальцы сдавили колено, смяв штаны.

Прошла секунда прежде, чем он выдохнул и проговорил глухо:

– Значит, плод воображения не может ревновать?

Я озадачено промычала, а золотоволосый продолжил с нажимом:

– Так что же? Как вам тот молодой человек? Пришелся вам по нраву?

От такой эмоциональности во сне я оторопела, не думала, что моя собственная греза может устраивать сцены. Поэтому сказала, стараясь быть сдержанной:

– Пока не поняла. Единственное, что хочется знать, тот ли он, кому меня обещали или нет? Если так, зачем вся эта таинственность, а если нет, то мой настоящий жених очень рискует. Потому, что мало ли, что мне взбредет в голову.

– О, в вашу голову, определенно, взбрести может что угодно, милая Валенсия, – мрачно засмеявшись проговорил золотоволосый.

Я ощутила, как его пальцы откидывают волосы с моей шеи и замерла, не зная, как реагировать на такую вольность от сонной грезы. Все мое существо замерло в ожидании чего-то очень сокровенного, но к глубокой досаде призрак через секунду расправил волосы по плечам и отсел.

– Лиц юношей пансиона, нам, кстати, тоже не видно, – заметила я.

– Знаю.

– И это несправедливо.

– Это как посмотреть, – отозвался золотоволосый. – Рекомендую сегодня быть собранной и сильной.

Тон призрака насторожил, я вновь собралась обернуться, но так и застыла в пол оборота.

– Почему?

– Сами увидите, милая Валенсия, – сказал незнакомец и почему-то печально вздохнул. – А сейчас пора просыпаться, солнце уже у горизонта.

Открыв глаза я долго не могла понять, где нахожусь и что произошло. Только что волосы развевал лесной ветерок и бархатный голос ласкал слух. А сейчас надо мной потолок с лепниной и магические шары под ним, чтобы освещать комнату.

Перемена оказалась такой разительной, что потребовалась минута, чтобы смогла осознать – это реальность, а то, что происходило прежде, лишь сон. Станный, глубокий, очень реалистичный сон, из которого не хочется возвращаться.

Я села на кровати и повертела головой. Спать легла прямо в платье, и юбка сбилась в ногах, пришлось расправлять. На соседней постели на спине и укрытая до подбородка спит Катрина, даже во сне чопорная и выдержанная. Впереди на другой кровати Ари, раскидалась по подушке, кудряшки торчат во все стороны.

В окне еще темно, утро только-только зарделось и на горизонте едва заметная полоска света. В окнах соседнего корпуса темно, и только в стороне лабиринтов мерцают зеленоватые светлячки.

Происходит что-то странное. Такие сны не должны сниться. И вообще, когда в грезе второй раз приходит один и тот же человек, это не может быть совпадением.

И посоветоваться не с кем. Хотя и прежде никто толком ни во что не просвещал. Но дома была возможность спрятаться в комнате или убежать в лес.

А здесь?

Не к Шаторье же с такими вопросами идти. Есть в нем что-то, что заставляет внутренности неприятно ёкать.

Некоторое время я сидела на кровати, в задумчивости комкая одеяло ногами. В моем видении, а именно на видение и похож этот сон, золотоволосый явно чем-то озадачен. Во всяком случае, так показалось, даже не смотря на то, что он прикасался ко мне...

Едва вспомнила горячие пальцы на плечах, жаркое дыхание, к щекам прилил жар, а магия в груди как-то слишком бодро завертелась.

В нем, в золотоволосом призраке, определенно, что-то есть.

Спрыгнув с постели, я решила выяснить, что именно, откуда этот неведомый фантом, фантом ли он. И что делает в моем сне. Спать все равно уже не хочется, да и не получится после всего увиденного.

Осторожно, чтобы не разбудить девочек, я сунула ноги в мягкие туфли и на носочках вышла из комнаты. В этом пансионе наверняка должен быть архив или библиотека, и она должна помочь пролить свет на происходящее.

Глава 5

А такую рань встретить кого-то в коридорах Магикус Соле не рассчитывала, поэтому не слишком пряталась. Хотя и шуметь особо не пыталась – все-таки все еще спят.

Я прошла по коридору корпуса девушек, затем спустилась в зал, где вчера проходило знакомство с женихами. Хотя это громко сказано. Знакомство можно считать таковым, если оба знают, как друг друга зовут. Меня же этим обделили.

Сейчас в зале непривычно тихо и спокойно. В утреннем полумраке только статуи по стенам молчаливо взирают в никуда. Где искать библиотеку или что-то на нее похожее, не знала, но надеялась, что чутье не подведет. И вообще, такие места должны быть видны сразу.

Но пыл мой поугас, когда пересекла зал, потом еще коридор, потом снова, и вышла на задний двор.

Тут побывать еще не успела, но то, что увидела – понравилось. Невысокий фонтан, вокруг брусчатка, по краям кусты и лавочки. Наверное, здесь девицы отдыхают между занятиями. От фонтана дорожка, по краям которой все те же кусты с меня ростом.

Пожав плечами, я направилась по ней. Если библиотеки не нашлось в корпусе, значит, она где-то вне его.

Утренний воздух приятно бодрит, пожалела, что не накинула шаль. Пройдя метров двадцать, услышала шуршащий звук, какой бывает только от веника. Или метлы.

Я пошла на него, и когда завернула за куст, едва не налетела на дворника, который старательно машет помелом.

– Ой! Извините, – выдохнула я, спешно отпрыгивая.

– Леди... – мигом склонился передо мной дворник, зачем-то вытирая пальцы о передник до самой земли, – не ожидал кого-то встретить в такую рань. Простите, я сейчас уйду.

Такое безропотное повинование озадачило.

– Не надо, – спешно отозвалась я. – Это ведь не вы налетели на меня.

– Но вы же леди, – пояснил он и посмотрел так, словно сморозила глупость.

Стало слегка не по себе, но я нашла в себе силы улыбнуться и проговорила:

– Я тут ищу библиотеку. Не знаете, где это? Она же тут есть? Мне бы подготовиться к...
гм... к тому, что меня тут ожидает.

Дворник поправил передник и вытер нос, оставив на нем пыльный развод, затем переложил метлу в другую ладонь и произнес:

– Библиотеки нет. Но есть либрариум. Там хранят фолианты, свитки и прочую требуху.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.